

«Финская сюита» Шостаковича в ленинградском музыкальном контексте: из истории рукописи

«Семь обработок финских народных песен» («Сюита на финские темы») Шостаковича — сочинение, опубликованное в 2002 году издательством DСH (в версии М. А. Якубова), несмотря на изучение его М. А. Якубовым, А. И. Климовицким, В. И. Ниловой, продолжает таить в себе немало загадок. Одним из первостепенных представляется вопрос об источниках песен, которые Шостакович имел в своем распоряжении. В статье излагается история рукописи сочинения и высказываются предположения о том, каким образом финские и карельские песни могли попасть в руки композитора.

Ключевые слова: «Семь обработок финских народных песен» («Сюита на финские темы»), Карельский перешеек, фольклорные экспедиции, Фонограммархив, Пушкинский дом, аранжировки.

Памяти Нади Должанской

Премьера «Семи обработок финских народных песен» («Сюиты на финские темы») ¹ Д. Д. Шостаковича состоялась в 2001 году в городе Каустинен (Финляндия) ². Написанное в 1939 году, до 2000 года это сочинение находилось вне поля зрения исследователей и исполнителей; оно не упоминалось ни в одной информационной или исследовательской статье, ни в одном списке сочинений, составленных когда-либо самим композитором либо учеными.

¹ В музыковедческом обиходе также — «Финская сюита».

² Реконструкцию сочинения осуществил Манашир Якубов.

В период с конца 1939 до начала 1960-х годов об этом сочинении Шостаковича знали лишь несколько человек: заказчики из Политического управления Ленинградского военного округа (либо неизвестный пока посредник заказчика), библиотекарь Радиокomiteта, принявший партии по списку (для исполнения³), затем — владелец рукописи (ему, по всей видимости, подаренной). Знал ли кто-то еще об этом сочинении, до сих пор неизвестно. Никаких следов ее исполнения или репетиций оркестром Радиокomiteта нет. В огромном массиве воспоминаний о жизни и творчестве Шостаковича, документов и материалов, с ним связанных, нет упоминаний о сюите.

В краткий период с начала 1960-х до 1966 года о существовании этого сочинения знали по крайней мере два человека: владелец рукописи — профессор Санкт-Петербургской консерватории Александр Наумович Должанский, скончавшийся в 1966 году, — и я, кому эту рукопись он однажды показал. Показал просто так, с ощущением счастья от прикосновения к рукописи гения и с переполнявшей его душу гордостью.

Вдова владельца рукописи, тоже педагог консерватории, пианистка, не говорила о ней младшим поколениям семьи. Возможно, не помнила или не знала. К своему изумлению, я обнаружила это в 1997 году, когда предложила Надежде Должанской, дочери владельца рукописи, дать возможность изучить сочинение и опубликовать о нем информацию или статью в подготавливаемом мною сборнике «Шостакович: между мгновением и вечностью». Мое предложение явилось для нее полной неожиданностью: ни дочь-музыковед, ни зять — композитор и музыковед, ни внуки, оба — пианисты, о пребывании в их доме рукописи Шостаковича не знали.

Таким образом, в период с 1966 по 1997 год, судя по всему, я оказалась единственным человеком, кто помнил о существовании этой рукописи и знал ее местонахождение.

В период с 1997 до 2000 года уже около десяти человек было информировано об этом сочинении Шостаковича: наследники владельца рукописи, издательский редактор готовящегося к выходу в свет сборника, по-

³ А. Н. Крюков обнаружил в инвентарной книге нотной библиотеки Ленинградского радиокomiteта запись о том, что инструментальные голоса (одиннадцать партий) поступили (от переписчиков?) 13 декабря 1939 года, а партитура — 10 января 1940 года. (См.: *Климовицкий А.* Сюита на финские темы — неизвестное сочинение Шостаковича // Шостакович: Между мгновением и вечностью: Документы. Материалы. Статьи / Ред.-сост. Л. Г. Ковнацкая. СПб., 2000. С. 323.) Местонахождение инструментальных партий неизвестно.

священного Шостаковичу; А. И. Климовицкий, которому я предложила написать статью о «Финской сюите».

В 2000 году в Москве и Петербурге вышли в свет два сборника, в которых содержался огромный массив документов и материалов, а также статьи о Шостаковиче. В сборнике Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки, опубликованном зимой 2000/2001 годов, приведен особый — в свете нашей темы — документ. Пятого декабря 1939 года Шостакович в письме к своему другу Л. Т. Атовмьяну (Атовмьяну) объясняет причину, по которой он не приехал в Москву на исполнение своей Шестой симфонии ⁴:

У меня так сложились дела, что я никак не смог выбраться в Москву. По заказу Политуправления ЛВО я должен был работать над обработкой и оркестровкой финских народных песен ⁵.

До 2000 года это было единственным упоминанием сочинения. Комментатор письма К. С. Баласаян пишет: «Сведений об этой работе найти не удалось» ⁶.

В сборнике, составленном мною, и вышедшем в Санкт-Петербурге немного раньше, летом 2000 года, «Финской сюите» посвящена обширная статья А. И. Климовицкого, в которой дается описание рукописи ⁷.

Теперь, после обретения «Финской сюиты», приоткрывается смысл реплики преданного друга и многолетнего корреспондента Шостаковича И. Д. Гликмана:

Дмитрий Дмитриевич по очень серьезным причинам не мог поехать на московскую премьеру Шестой симфонии. Он просил меня съездить в Москву, побывать на репетициях <...> ⁸.

⁴ Речь идет о московской премьере Шестой симфонии. В Москве Шестая симфония была впервые исполнена 3 декабря в Большом зале консерватории Государственным симфоническим оркестром СССР под управлением Е. А. Мравинского (в том же концерте прозвучали Концерт Г. Свиридова для фортепиано с оркестром (солист П. Серебряков) и Сюита № 2 В. Щербачева из музыки к кинофильму «Петр Первый» (также впервые в Москве). Концерт проходил в рамках Декады советской музыки. См.: ВМОМК. Ф. 3. Ед. хр. 2430.

⁵ Дмитрий Шостакович в письмах и документах / Гос. центр. музей муз. культуры им. М. И. Глинки; ред.-сост. И. А. Бобыкина; науч. ред. М. В. Есипова, М. В. Рахманова. М., 2000. С. 245.

⁶ Там же.

⁷ Климовицкий А. Сюита на финские темы — неизвестное сочинение Шостаковича. С. 308–327.

⁸ Письма к другу: Дмитрий Шостакович — Исааку Гликману. М.; СПб., 1993. С. 20.

Только серьезные обстоятельства могли помешать Шостаковичу присутствовать на исполнении своей симфонии: нездоровье либо выполнение взятых на себя обязательств — он был исключительно обязательным.

Рассказчик, однако, не ассоциировал просьбу Шостаковича с работой над финскими песнями. Дважды (весной 2001 года) на мой вопрос о том, знает ли Исаак Давидович, какова была «серьезная причина», и слышал ли он из уст Дмитрия Дмитриевича упоминание о «Финской сюите», ответ был определенно отрицательным. Возможно, Гликман запомнил. Но теперь фрагмент письма Шостаковича к Атовмяну мы можем логически сцепить со свидетельством Гликмана: на мой вопрос, что было «серьезной причиной», помешавшей композитору присутствовать на московской премьере своей новой симфонии, ответ дает Шостакович: это было завершение работы над «Финской сюитой».

Александр Наумович Должанский (1908–1966)⁹ был замечательным музыкантом, выдающимся ученым, любимым студентами педагогом¹⁰. Слово «долг» было корневым не только в его фамилии, но и в его характере. Должанский не побоялся публично поднять свой голос в защиту Шостаковича в ходе кампании 1948–1949 годов¹¹. Он воспринимал свой поступок и свою позицию как долженствование. Результат не замедлил сказаться: преследования его трудов и его самого были постоянным фоном его жизни¹².

Как известно, Шостакович был одним из самых любимых композиторов Должанского. Пристально следя за творчеством Шостаковича (начиная с Первой симфонии), он мгновенно реагировал на его новые сочинения¹³. Должанский закончил Ленинградскую консерваторию позднее

⁹ О Должанском см.: *Чернов А., Южак К.* Преданный музыке и науке // Советская музыка. 1968. № 9. С. 104–106; *Чернов А.* О личности и творческом пути А. Н. Должанского // Должанский А. Н. Избранные статьи. Л., 1973. С. 20–37; *Бобровский В.* Научное творчество А. Н. Должанского // Должанский А. Н. Избранные статьи. С. 3–20; *Южак К., Милка А., Фрид Р.* Оценивая пройденный путь: к 70-летию со дня рождения // Советская музыка. 1978. № 11. С. 123–125; *Слонимский С.* Рыцарь музыкальной науки: к 75-летию со дня рождения А. Н. Должанского // Советская музыка. 1983. № 9. С. 82–84; *Милка А. П.* Три секунды с Должанским // *Donatio Musicologica*: сб. ст. Петрозаводск, 1994. С. 63–67.

¹⁰ Я была студенткой А. Н. Должанского в его классе полифонии в Ленинградской консерватории (1960–1963).

¹¹ Имеются в виду обсуждения доклада М. И. Чулаки о Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года об опере В. И. Мурадели «Великая дружба» в ленинградском Союзе композиторов (ЦГАЛИ СПб. Ф. 348. Оп. 1. Д. 77. Л. 47 и далее, Д. 78. Л. 97 и далее) и в Ленинградской консерватории (ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 4. Д. 611. Л. 10–11).

¹² См., напр., письмо А. Н. Должанского В. П. Бобровскому от 1 апреля 1966 года, в: Шостакович: Между мгновением и вечностью. С. 594–597.

¹³ См.: *Должанская Н.* Шостакович в жизни моего отца // Шостакович: Между мгновением и вечностью. С. 599–608; см. также: Переписка В. П. Бобровского и А. Н. Дол-

Шостаковича¹⁴, а начал в ней преподавать в том же 1937 году, что и Шостакович. Круг их общения был тесным. Они постоянно встречались на службе и в концертах. У них были все возможности для личного общения.

Теоретик Должанский был проницательным исследователем, глубоким знатоком и почитателем музыки Шостаковича. Свои теории он разрабатывал на материале его произведений. Таковы, например, имеющие общетеоретическое значение теория фуги¹⁵ и ладовая теория¹⁶ (в том числе александрийского лада-пентахорда¹⁷), которая осмысляет двенадцатиступенность как явление диатоническое¹⁸.

Труды Должанского показывали, что фундаментальная наука может базироваться на сегодняшнем художественном творчестве. В годы, когда советское историческое музыкознание было, по преимуществу, сервильным, именно теоретики становились проводниками свободной мысли и новаторских идей. И потому на музыке Шостаковича возросло не одно поколение блистательных ученых-теоретиков, десятилетиями притягивавших к себе молодежь¹⁹. Двое из них осознавали себя членами братства во Шостаковиче, — как говорили в XIX веке «братствующими»: «Дорогой друг Шостаковичанец» — так обращался Должанский к Бобровскому²⁰.

По словам Надежды Должанской, ее отец с течением времени отказался от дружеского общения с Шостаковичем, положив дружбу на алтарь служения музыке Шостаковича: Должанский был убежден в том, что дружеские отношения помешают объективной оценке творчества и что пламенный приверженец не должен писать о творчестве композитора, перед личностью которого преклоняется.

жанского о Шостаковиче // Шостакович: Между мгновением и вечностью. С. 546–598. (Далее — Переписка).

¹⁴ Шостакович закончил консерваторию в 1929 году, Должанский — в 1936.

¹⁵ Должанский А. Относительно фуги // Советская музыка. 1959. № 4. С. 94–102; см. также: Должанский А. 24 Прелюдии и фуги Д. Шостаковича. Л., 1963, 2-е изд., испр. Л., 1970. Теория обстоятельно проанализирована К. И. Южак — см.: Южак К. Шостакович Должанского: опус 87, изменяющийся во времени // Д. Д. Шостакович: сб. ст. к 90-летию со дня рождения. СПб., 1996. С. 194–227.

¹⁶ Должанский А. Н. О ладовой основе сочинений Шостаковича // Советская музыка. 1947. № 4. С. 65–74.

¹⁷ Должанский А. Александрийский пентахорд в музыке Шостаковича // Должанский А. Избранные статьи. С. 86–120.

¹⁸ Бобровский В. Научное творчество А. Н. Должанского // Должанский А. Избранные статьи. С. 3–20.

¹⁹ В этом контексте я также должна назвать имена Виктора Петровича Бобровского (1906–1979) и Лео Абрамовича Мазеля (1907–2000).

²⁰ См.: Переписка. С. 580 (письмо от 29 февраля 1964 года).

Вместе с тем А. Н. чувствовал потребность в непосредственном общении с Шостаковичем <...> Поэтому время от времени писал ему письма, высказывая отношение к его творчеству и поступкам²¹.

Приведу предсмертную записку Должанского, чтобы показать глубину его отношения к Шостаковичу. За два дня до смерти он продиктовал телеграмму Шостаковичу к его 60-летию:

Дмитрий Дмитриевич! Ваша музыка была солнцем в моей жизни. Ваша судьба была источником моих духовных потрясений. Благодарю и благословляю Вас. Целую Вашу руку. Должанский²².

Рукопись Шостаковича «Семь обработок финских народных песен» конца 1930-х годов — тех лет, когда их общение было частым, — вполне могла оказаться у Должанского. При этом замечу, что Должанский не был коллекционером. В его домашнем архиве есть только те немногие рукописи, что были подарены коллегами. Среди них рукопись Шостаковича, как теперь ясно, была на совершенно особом месте.

В настоящее время рукопись передана в Личный архив Д. Д. Шостаковича.

Ленинградский контекст «финского сюжета» в творчестве Шостаковича в общих чертах ясен. Почва эта благодатна. Совершенно очевидно, почему именно петербургские композиторы (Глинка, Даргомыжский, Глазунов) использовали фольклор финских народов в своих сочинениях²³. Это явление справедливо рассматривается как выражение глубинных процессов, связанных с геополитическим положением города и его исторически обусловленного этнокультурного ареала.

Шостакович родился, вырос и жил в этом городе²⁴. Городе, который не только «вознесся», по словам Пушкина, «из тьмы лесов, из топи блат»,

²¹ *Должанская Н.* Шостакович в жизни моего отца. С. 599. Письма Должанского не сохранились (как известно, Шостакович писем не хранил).

²² *Должанская Н.* Шостакович в жизни моего отца. С. 608.

²³ Об этом пишут А. Климовицкий (*Климовицкий А.* Сюита на финские темы — неизвестное сочинение Шостаковича. С. 327) и М. Якубов (*Якубов М.* «Мое сердце искало покоя и мира» // Шостакович Д. Семь обработок финских народных песен (Сюита на финские темы): для солистов (сопрано, тенор) и камерного оркестра: партитура. М., 2002. С. 5).

²⁴ На это обстоятельство также указывает А. Климовицкий (*Климовицкий А.* Сюита на финские темы — неизвестное сочинение Шостаковича. С. 323–325).

но, говоря прозаически, был возведен на финских землях. Финно-угорские и финно-прибалтийские народы в ареале города столь сложной топокультурной структуры, как структура Петербурга — Петрограда — Ленинграда, их существование, быт, уклад, — отдельная тема, столь же очевидная, сколь масштабная. Интересующий же нас аспект — музыкальный. Музыкальный фольклор этих народов звучал самобытным «аккордом» в партитуре города.

Коснусь лишь того, что можно назвать «житейской ситуацией»; в нее попадал, начиная с второй половины 1940-х годов, житель Ленинграда, принадлежащий к социальному слою, который в России называли интеллигенцией (научной и творческой). Как известно, на Карельском перешейке располагаются бывшие финские поселки. Многие из них — Солнечное, Репино, Комарово, Зеленогорск, Рощино в годы моего детства (1950-е) люди поколения моих родителей все еще называли по-фински: Олила, Куоккала, Келломяки, Терийоки, Райволово.

По этой северной курортной линии от Ленинграда по направлению к Выборгу или Приозерску расположились дома творчества творческих союзов (ВТО — в Комарово, союза композиторов и кинематографистов — в Репино, архитекторов — в Зеленогорске), дачи ленинградской научной элиты (Академический поселок в Комарово) и интеллигенции.

В Комарово находилась дача семьи Варзар, первой жены Шостаковича; Дмитрий Дмитриевич арендовал там дачу, его дети росли в Комарово. Он на всю жизнь привязался к этим красивым местам, с заливом и озерами, с особым микроклиматом. В Доме творчества композиторов в Репино Шостакович бывал и работал ежегодно.

Жизнь вблизи Финляндии на Карельском перешейке для музыканта имела чисто звуковое выражение. Русское население в здешних местах тесно общалось с карельским и финским. Как всякая граница, эта область была классическим местом билингвальности. Взаимопроникновение русского, финского и карельского народов отмечается всеми фольклористами, которые изучают разные стороны фольклора этого региона.

Дочь композитора свидетельствовала о своих детских годах на даче: «...радио не выключалось целый день, и постоянно звучали финские народные песни»²⁵. Были ли то действительно финские песни или так обобщенно тогда называли песни карело-финских народов? Ясно, что у Галины Шостакович не было причин задумываться об этом, она лишь ретранслировала слышанное. Соответствовали ли радио-заголовки и радио-

²⁵ Цит. по: Якубов М. «Мое сердце искало покоя и мира». С. 4.

комментарии музыкальному материалу? — задача идентификации перед радиопропагандой не стояла.

Фольклорные истоки мелодий «Финской сюиты» привлекли к себе внимание исследователей. Куратор Архива Шостаковича Манашир Якубов сообщил, что, изучая рукопись, делая подтекстовку и реконструируя цикл, он просмотрел «около полутора тысяч записей финских народных песен как в публикациях фольклористов, так и в обработках финских и русских композиторов. Так были найдены финские тексты, публикуемые в настоящем издании»²⁶. Сами напевы, взятые Шостаковичем (или предложенные ему), возможно, столь распространены, настолько на устах и на слуху у финнов, что в первом приближении не нуждаются в атрибуции этнических версий. Вместе с тем думается, что установление этнических версий может подсказать путь к выяснению вопроса об источнике (или источниках) сочинения Шостаковича.

Откуда Шостакович взял мелодии песен для «Финской сюиты»? В каком виде получил их? Был ли ему предложен фольклорный сборник, откуда он сам выбирал напевы, или определенные песни, записанные на нотных листах? Были ли они атрибутированы (хотя в контексте заказа это обстоятельство не играло большой роли)? На эти вопросы ответа пока нет. Но можно размышлять о тех, кто мог вручить композитору материал.

В отсутствие фактологического материала, безусловно указывающего на источники, можно предположить (нельзя исключить), что понятие «финские песни» в «Финской сюите» используется не только в буквальном смысле, но иногда как этническое обобщение регионального фольклора.

В. И. Нилова установила, что в «Финской сюите» использованы три карельские песни. Все три напева с тем же текстом были найдены ею в сборнике карельских песен Эрки Мелартина «Карельские народные песни прихода Кякисалми»²⁷. Мелартин, чью деятельность можно рассматривать как одну из кульминаций карельского Возрождения (карелианизма), жил и записывал напевы в Кякисалми (Приозерске) — как раз на Карельском перешейке. Замечу, что у Мелартина были связи с русскими музыкантами (главным образом, с А. И. Зилоти и А. В. Оссовским). Мелартин скончался в 1937 году. Быть может, его смерть, как это часто

²⁶ Там же. С. 7.

²⁷ *Melartin E. Karjalaisiaksanlaluja Käkisalmen seudulta. Helsinki, 1983.* (См. ст.: *Нилова В. И. Карельские песенные источники «Сюиты на финские темы» Д. Шостаковича. 2003: рукопись. Позднее опубликована: Нилова В. Семь обработок финских народных песен (Сюита на финские темы) Шостаковича и карельские песенные источники // Дмитрий Шостакович: исследования и материалы. Вып. 4 / Архив Д. Д. Шостаковича; ред.-сост. О. Дигонская, Л. Ковнацкая. М., 2012. С. 195–207.*

Esamples № 1. 1

Flauto
 Oboe
 Clarinetto in B
 Tamburino
 Tromba in B
 Violino I
 Violino II
 Viola
 Violoncello
 Contrabbasso
 Piano

1

2

Fl.
 Ob.
 Cl.
 Tromba in B
 Tamburino
 Violino I
 Violino II
 Viola
 Cello
 Contrabbasso
 Piano

2

21 200001. Val. No. 4243

1948. Шостакович для Соста РСФСР. Москва.

Ил. 1. Д. Д. Шостакович. «Семь обработок финских народных песен». Автограф. Песня № 1. *Täivas on sininen* («Небо синее надо мною...»). Архив Д. Д. Шостаковича. Ф. 1. Р. 1. Ед. хр. 187. Л. 2

Ил. 2. Д. Д. Шостакович. «Семь обработок финских народных песен». Автограф. Песня № 6. Jos mie saisin («Эх, когда б я был свободен...»). Архив Д. Д. Шостаковича. Ф. 1. Р. 1. Ед. хр. 187. Л. 7

бывает, возбудила интерес к его наследию. Кто в таком случае мог быть посредником?

Карелия, — наряду со Псковской областью, Приладожьем, — место, куда традиционно устремлялись ленинградские фольклористы и где, наряду с русским, они записывали фольклор финно-угорских народов. Записи поэтического фольклора Карелии, сделанные в 1937–1938 годах, вошли в сборник, увидевший свет в 1940 году; вскоре вышел сборник статей, посвященный фольклору тех мест, которые стали Карело-Финской ССР²⁸.

А. И. Климовицкий напоминает о фольклорных экспедициях в Карелию, предпринятых в 1930-е годы Евгением Гиппиусом, Зинаидой Эвальд и Софьей Магид²⁹. Их деятельность связана с созданием и работой в Ленинграде столь специфической институции, каким был и по сей день является Фонограммархив³⁰ в Институте русской литературы — Пушкинском Доме. В 1939 году, при его формировании, важнейшими составными его частями стали работавшие с 1920-х годов фонотека Секции крестьянского искусства (возглавляемая К. Романовым) Института истории искусств и возглавляемый Борисом Асафьевым Музыкально-этнографический кабинет библиотеки Ленинградской консерватории. В коллекции фонограммархива карельский фольклор занимал довольно видное место³¹ — то были результаты полевого сбора ленинградских фольклористов.

Трудно сказать, могли ли фольклорные экспедиции или организация Фонограммархива остаться незамеченными Шостаковичем. Пытливый по натуре, живой и любопытный, Шостакович был очень тесно связан с жизнью консерватории и в 1920-е и в 1930-е годы, был вовлечен в деятельность Института (имею в виду концерты-выставки) и во все «современнические» объединения города, где ключевую роль играл Асафьев. Асафьев же, окруженный талантливой молодежью, которая поддерживала все его интересы, вольно или невольно, определял направление их собственной деятельности.

²⁸ См.: Народное творчество Карело-Финской ССР. Записи 1937–38 гг. / Подгот. В. Чистов. Под ред. А. Н. Лозановой. Петрозаводск, 1940. См. также: Фольклор Карело-Финской ССР: сб. ст. Вып. 1. Петрозаводск, 1941.

²⁹ *Климовицкий А.* Сюита на финские темы — неизвестное сочинение Шостаковича. С. 323.

³⁰ Я благодарна М. А. Лобанову за указание на его статью об истории фонограммархива как на источник необходимой мне информации, за сведения о сотрудниках этого архива.

³¹ См.: *Лобанов М. А.* Фольклор народов РСФСР в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР // Фольклористика Российской Федерации: материалы конф., посвященные итогам и проблемам изучения народного творчества автономных республик (областей) РСФСР. Ленинград, ноябрь 1972. Л., 1975. С. 175–184.

Среди молодых сподвижников Асафьева были критики, композиторы и музыковеды, соученики и приятели Шостаковича. Обращу внимание на Евгения Гиппиуса — уже в те годы выдающегося фольклориста, стоявшего в центре фольклорных событий и создания этно-фольклористических институций. Он учился в консерватории тогда же, когда и Шостакович; более того, с 1922 года он был студентом класса Максимилиана Штейнберга, учителя Шостаковича по специальности³². В конце 1930-х годов Гиппиус по итогам своих полевых сборов создавал многотомное издание «Песни народов СССР»; один из томов был посвящен карельскому фольклору.

Результаты фольклорных экспедиций обсуждались на заседаниях ленинградского отделения Союза композиторов — как раз в 1930-е годы Шостакович, как глава всей ленинградской композиторской организации, принимал деятельное участие в жизни Союза. Я бы не исключала Гиппиуса как возможного посредника между композитором и материалом для аранжировок.

Особое внимание в этой «многофигурной композиции» я бы обратила также на Наталью Николаевну Леви³³, которая, в отличие от названных мною выше ленинградских фольклористов-ученых, была фольклористом-композитором. Если трудно сказать, следил ли Шостакович за деятельностью фольклористов-ученых, то деятельность композитора вряд ли ускользнула от его внимания.

Наталья Николаевна Леви-Смылова (1902–1970) воспринималась «полномочным представителем» карело-финского искусства в Ленинграде. Ее обширная коллекция фольклорных записей хранятся в Петербургском Архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, СПб); там же интересующиеся могут найти все документы ее жизни и творчества³⁴.

Интересно, что в архиве Леви в трех томах представлен только тот материал, который готовился ею для публикации. Не забудем, что работа над фольклорными изданиями, как и в целом интерпретация фольклора, была в огромной мере идеологизированной — не только внешняя цензура, но и сам автор (внутренний цензор) точно знали, что, составляя сборник, необходимо соблюдать численный баланс между русскими и карельскими образцами; финские песни, по понятным причинам, имели гораздо

³² См.: Шостакович в дневниках М. О. Штейнберга / Публ. и коммент. О. Данскер // Шостакович: Между мгновением и вечностью. С. 83–148.

³³ Ее имя и ее деятельность кратко упоминает А. Климовицкий (*Климовицкий А. Сюита на финские темы — неизвестное сочинение Шостаковича*. С. 323).

³⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 179. Оп. 1. Ед. хр. 194, 197; ед. хр. 130, 131, 132 — фольклорные записи в 3 томах.

меньше шансов попасть в печать. Мне кажется странным, что коллекция Натальи Леви в ЦГАЛИ идентична ее публикациям. Кажется, должны были бы существовать образцы, не использованные или, идеологически говоря, «не пригодные» к публикации. Где они? Быть может, собранные в отдельной папке, они не уцелели в годы Отечественной войны и блокады или где-то лежат и ждут своего часа. Было бы важно, думается, поискать их в Пушкинском Доме, рядом с Фонограммархивом.

Работа Натальи Леви по собиранию и обработке фольклора на территории Карелии имела широкий резонанс в Ленинграде. В автобиографии³⁵ Леви подробно рассказывает о том, что по окончании консерватории в 1936 году³⁶ она была тут же направлена на производственную практику в Карелию (консультантом при Управлении по делам искусств и редактором на Радио). Молодой и энергичный специалист, она развернула большую работу. Фольклорные экспедиции по всей Карелии принесли большой урожай песен карелов, поморов, вепсов, русских. Позднее (в 1941 году) на основе этой коллекции она опубликовала сборник «Песни народов Карело-Финской ССР. Сборник карельских, вепских и русских песен»³⁷. Леви сделала обработки записанных мелодий для кантеле. Она также работала во Дворце пионеров (который только открылся). И все это в течение полутора лет!

Вернувшись в Ленинград, Леви писала много музыки для радиопередач; среди исполнявшегося по радио наибольшую популярность получила «Карельская сюита» (1937) для оркестра народных инструментов³⁸. Пик деятельности Натальи Леви приходится на 1939–1940-е годы: тогда была написана опера «Карельская сказка» для театра Петрозаводского Дома пионеров; театр привез оперу на гастроли в Ленинград³⁹. Одно за другим выходили издания сочинений Леви: «Карельская песня о Сталине», семичастная сюита «Русский Север» для солистов, смешанного хора и оркестра народных инструментов, «Карельская девичья» для голоса или хора

³⁵ Краткую автобиографию см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 348. Оп. 3. Д. 35. Л. 8.

³⁶ Поступила в 1931 году в класс проф. П. Б. Рязанова — см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 348. Оп. 3. Д. 35. Л. 28.

³⁷ Составители В. П. Гудков и Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941; в предисловии к сборнику говорится о том, что «большинство песен, вошедших в книгу, записано на фонограф в 1936–1937 гг. экспедицией фольклорной комиссии при Институте этнографии Академии Наук СССР и Карельского научно-исследовательского института культуры» — см. ЦГАЛИ СПб. Ф. 179. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 4.

³⁸ См. автограф в: ЦГАЛИ СПб. Ф. 179. Оп. 1. Ед. хр. 5; авторский комментарий к ней см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 348. Оп. 3. Д. 35. Л. 15.

³⁹ Партитура погибла во время эвакуации; клавиш восстановлен автором по сохранившимся черновикам.

с фортепиано. Главное же, повторю: по радио очень часто звучала «Карельская сюита» Леви и ее обработки песен.

Новые сочинения ленинградских композиторов, согласно установившейся традиции, обсуждались на творческих секциях Союза композиторов, где Дмитрий Дмитриевич бывал. Можно предположить, что Шостакович мог познакомиться с песнями и в таком варианте.

Это тем более вероятно, что в начале 1936 года Наталья Леви стала героиней статьи в «Вечерней красной газете»⁴⁰. Сразу после публикации в газете «Правда» печально знаменитых передовиц «Сумбур вместо музыки» и «Балетная фальшь», с которых началась многолетняя травля Шостаковича, в композиторских организациях прошли обсуждения в поддержку партийной критики. Тринадцатого февраля в ленинградском Союзе композиторов заседала молодежная секция. Наталья Леви была среди немногих (всего троих из двадцати!), кто резко выступил против партийной критики, в защиту Шостаковича. В «Вечерней красной газете» говорится об этом выступлении как об «опасной ошибке», о «низком идейно-политическом уровне» Леви. Это звучало как политическое обвинение. Такое не забывается, и Шостакович вряд ли это забыл. Одним словом, ему было легко просить Наталью Леви о содействии.

Наконец, Шостакович мог попросить Александра Должанского найти материал для сюиты на финские темы, что не исключает обращения Должанского к тем, о ком шла речь выше. Шостакович высоко ценил Должанского как профессионала и, главное, испытывал к нему доверие⁴¹. Это могло бы объяснить и появление в доме Должанского рукописи «Финской сюиты».

Когда появляется «новое», то есть забытое или считавшееся утраченным сочинение гениального мастера, чье творчество пристально изучается, и давно сложилось в целостную картину «наследия» и «творческого пути», это произведение становится своего рода подсветкой к фактуре творческого процесса. Политико-идеологический и исторический контекст «Финской сюиты» помещает эту тихую и мирную музыку в сердцевину одного из трагических эпизодов в истории Финляндии XX века.

Меняет ли что-то «Финская сюита» в понимании творчества и творческого процесса Шостаковича? Качественно, как мне кажется, нет. Откры-

⁴⁰ Корсунская А. С. Защитники формалистического сумбура // Красная газета (веч. вып.). 1936. 15 февр. С. 2.

⁴¹ О том свидетельствуют письма Шостаковича к Должанскому с просьбой позаниматься с сыном Максимом по гармонии. См.: Должанская Н. Шостакович в жизни моего отца. С. 604–606.

тие этого сочинения не производит «тектонического взрыва» в понимании творческого наследия композитора. «Сюита на финские темы» расширяет этногеографический диапазон зрелых сочинений Мастера на фольклорные темы, подтверждает тяготение в сочинениях подобного рода к ясности и простоте стиля, которым в максимальной степени отмечены его аранжировки классической и популярной музыки для музыкатов фронтовых бригад (датированы июлем 1941 года).

Безусловно, любая новая деталь в жизни гения существенна, вне зависимости от того, подтверждает она какие-либо концепции или опровергает. Рассуждая о тексте и контекстах, не забудем об эстетическом обособлении, которое обретает бытующее произведение искусства. Я имею в виду эстетическое чувство, которое рождает сочинение столь тонкое, поэтичное, как «Финская сюита». Оно гармонично соотносится со сложившимся в общественном и музыкантском сознании — как неким семантическим инвариантом — мифологизированным образом фольклора карело-финских народов.

Литература

1. *Бобровский В.* Научное творчество А. Н. Должанского // Должанский А. Избранные статьи. Л.: Музыка (Ленингр. отд-е), 1973. С. 3–20.
2. *Дмитрий Шостакович в письмах и документах* / Гос. центр. музей муз. культуры им. М. И. Глинки; ред.-сост. И. А. Бобыкина; науч. ред. М. В. Есипова, М. В. Рахманова. М.: Антиква ГЦММК, 2000.
3. *Должанская Н.* Шостакович в жизни моего отца // Шостакович: Между мгновением и вечностью: Документы. Материалы. Статьи / Ред.-сост. Л. Г. Ковнацкая. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2000. С. 599–608.
4. *Должанский А.* Избранные статьи. 2-е изд. Л.: Музыка (Ленингр. отд-е), 1973. 214 с.
5. *Должанский А.* Александрийский пентахорд в музыке Шостаковича // Должанский А. Избранные статьи. Л.: Музыка (Ленингр. отд-е), 1973. С. 86–120.
6. *Должанский А.* 24 Прелюдии и фуги Д. Шостаковича. Л.: Советский композитор, 1963; 2-е изд., испр. Л.: Советский композитор (Ленингр. отд-е), 1970. 258 с.
7. *Должанский А.* Относительно фуги // Советская музыка. 1959. № 4. С. 94–102.
8. *Должанский А. Н.* О ладовой основе сочинений Шостаковича // Советская музыка. 1947. № 4. С. 65–74.
9. *Климовицкий А.* Сюита на финские темы — неизвестное сочинение Шостаковича // Шостакович: Между мгновением и вечностью: Документы. Материалы. Статьи / Ред.-сост. Л. Г. Ковнацкая. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2000. С. 308–327.
10. *Корсунская А. С.* Защитники формалистического сумбура // Красная газета (веч. вып.). 1936. 15 февр. С. 2.
11. *Лобанов М. А.* Фольклор народов РСФСР в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР // Фольклористика Российской Феде-

- рации: материалы конф. Ленинград, ноябрь 1972. Л.: Наука (Ленингр. отд-е), 1975. С. 175–184.
12. Милка А. П. Три секунды с Должанским // *Donatio Musicologica*: сборник статей. Петрозаводск: Петрозаводская гос. консерватория, 1994. С. 63–67.
 13. Народное творчество Карело-Финской ССР. Записи 1937–38 гг. / Подгот. В. Чистов. Под ред. А. Н. Лозановой. Петрозаводск, 1940.
 14. Нилова В. Семь обработок финских народных песен (Сюита на финские темы) Шостаковича и карельские песенные источники // Дмитрий Шостакович: исследование и материалы. Вып. 4 / Архив Д. Д. Шостаковича; ред.-сост. О. Дигонская, Л. Ковнацкая. М.: DSCN, 2012. С. 195–207.
 15. Переписка В. П. Бобровского и А. Н. Должанского о Шостаковиче // Шостакович: Между мгновением и вечностью: Документы. Материалы. Статьи / Ред.-сост. Л. Г. Ковнацкая. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2000. С. 546–598.
 16. Песни народов Карело-Финской ССР. Сборник карельских, вепсских и русских песен / Сост. В. П. Гудков и Н. Н. Леви. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941.
 17. Письма к другу: Дмитрий Шостакович — Исааку Гликману. М.: DSCN; СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 1993. 335 с.
 18. Слонимский С. Рыцарь музыкальной науки: к 75-летию со дня рождения А. Н. Должанского // Советская музыка. 1983. № 9. С. 82–84.
 19. Фольклор Карело-Финской ССР: сборник статей. Вып. 1. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941. 252 с.
 20. Чернов А. О личности и творческом пути А. Н. Должанского // Должанский А. Н. Избранные статьи. Л.: Музыка (Ленингр. отд-е), 1973. С. 20–37.
 21. Чернов А., Южак К. Преданный музыке и науке // Советская музыка. 1968. № 9. С. 104–106.
 22. Шостакович в дневниках М. О. Штейнберга / Публ. и коммент. О. Данскер // Шостакович: Между мгновением и вечностью: Документы. Материалы. Статьи / Ред.-сост. Л. Г. Ковнацкая. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2000. С. 83–148.
 23. Шостакович Д. Д. Песни фронтовых дорог: Обработки для голоса, скрипки и виолончели произведений разных авторов / Текстологическая ред., предисл. и коммент. Л. А. Миллер, Ф. В. Панченко, Т. З. Сквирской, Э. А. Фатыховой. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2005. 140 с.
 24. Шостакович: Между мгновением и вечностью: Документы. Материалы. Статьи / ред.-сост. Л. Г. Ковнацкая. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2000. 917 с.
 25. Южак К. Шостакович Должанского: опус 87, изменяющийся во времени // Д. Д. Шостакович: Сборник статей к 90-летию со дня рождения. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 1996. С. 194–227.
 26. Южак К., Милка А., Фрид Р. Оценивая пройденный путь: к 70-летию со дня рождения [А. Должанского] // Советская музыка. 1978. № 11. С. 123–125.
 27. Якубов М. «Мое сердце искало покоя и мира» // Шостакович Д. Семь обработок финских народных песен (Сюита на финские темы): для солистов (сопрано, тенор) и камерного оркестра: партитура. М.: DSCN, 2002.
 28. Melartin E. Karjalaisiaksanlauluja Käkisalmen seudulta (Карельские народные песни прихода Кякисалми). Helsinki, 1983.